

РОЗЫСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Из Пскова царь вернулся в Александрову слободу, и там начался “розыск” по делу о “новгородской измене”. Результаты этого следствия стали известны летом 1570 года.

В число обвиняемых попали многие из руководителей опричнины. Сами предававшие казням других, они теперь тоже попали в жернова

страшной мельницы террора, которую строили вместе с царем Иваном. В связях с новгородцами были обвинены отец и сын Басмановы - Алексей Данилович и Федор Алексеевич. Алексея считали, как уже отмечалось выше, одним из инициаторов опричнины. Опытный воевода, участник многих сражений, он был вместе с тем фактическим главой опричнины. Федор был *кравчим* (высокая придворная должность) царя, его любимцем. Ходили слухи, что Федор и Иван IV состояли в противоестественных сношениях, что князь Дмитрий Федорович Овчинин, казненный по жалобе Басманова, поплатился жизнью как раз за то, что осмелился попрекнуть Федора Басманова *“нечестным деянием, которое тот обычно творил с тираном”*.

Трудно сказать, так ли все было на самом деле. Но знаменательно, что во всех рассказах о “делах” первых лет опричнины упоминаются Басмановы. Именно они, например, натравливали царя на казанского архиепископа Германа Полева, распорядились низложением митрополита Филиппа. Недаром Курбский так характеризует отца и сына Басмановых: Федор - *“маньяк и губитель свой и Святорусские земли”*, Алексей - *“воев демонских воевода”*. Оба они были казнены. Курбский рассказывает (обычно он был хорошо информирован и старался точно излагать факты), что Федор по царскому приказу казнил своего отца, а потом погиб и сам.

Другая жертва - князь Афанасий Иванович Вяземский был настолько близким к царю человеком, что только из его рук Иван принимал лекарство, опасаясь, что другие могут его отравить. В опричной пародии на монастырь Вяземский был келарем - второе лицо после игумена. А игуменом-то был сам царь! Но стоило одному из подчиненных Вяземскому опричников - Григорию Дмитриевичу Ловчикову донести на своего начальника, будто он предупредил новгородцев о походе царя Ивана, как Вяземский был арестован и забит насмерть палками. Впрочем, примерно через полгода был казнен и Ловчиков.

Погиб князь Михаил Темрюкович Черкасский. К тому времени уже умерла его сестра царица Мария Темрюковна. Ходили темные слухи, что она была отравлена царем. Кто знает, так ли это, но, во всяком случае, после ее смерти царь стал подозревать служивших в России черкесов, что они обвинят царя в смерти своей родственницы и будут мстить. Таубе и Крузе рассказывают, что сначала царь приказал казнить юную жену Михаила Темрюковича (всего 16-ти лет) с полугодовалым сыном и положить их трупы во дворе князя. Самого же князя назначили командовать войсками, направленными держать оборону на случай набега крымского хана. Там князя Михаила и казнили.

Правда, русским дипломатам в Крыму была дана инструкция отрицать эту казнь, а объяснять, что Михайло Темрюкович *“ехал из полку в полк и изгиб безвестно. И ныне ведома про него нет, где изгиб”*. Но царь

лицемерил, он прекрасно знал, “где изгиб” этот лихой опричник: сам включил его имя в синодик опальных. А ведь и Михаиле Темрюкович был до опалы и казни одним из самых близких к царю людей, фактически возглавлял опричную Боярскую думу, участвовал в казнях. О нем впоследствии говорили, что он “был человек великой и временной (временщик. - **В. К.**) и управы было на него добиться немочно”. Казнь Михаила Темрюковича плохо сказалась на связях России с Кавказом: отец казненного временщика кабардинский князь ТемрюкАйдарович, союзник и даже до некоторой степени вассал Ивана IV, после гибели сына вступил в союз со злейшим врагом России (и до того времени своим противником) крымским ханом Девлет-Гиреем.

25 июля 1570 года на Красной площади в Москве состоялись массовые казни. Следственное дело и приговор не сохранились, но еще в 1626 году они были целы. В составленной тогда описи царского архива можно прочитать краткое описание этого дела. Архивисты начала XVII века, бесхитростно перелагая документы, сообщают, что

*“в том деле с пыток многие про ту измену на новгородского архиепископа Пимина и на его советников и на себя говорили, и в том деле многие казнены смертью, розными казнми, и иные разосланы по тюрьмам... Да тутто ж список, ково казнити смертью, и какую казнью, и ково отпустить... Да тут ж и приговор государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и царевича Ивана о тех изменниках, ково казнити смертью, и как государь царь и великий князь Иван Васильевичь и царевич Иван Иванович выезжали в Китай-город на полое место * сами и велели тем изменником вины их вычести перед собою и их казнити”.*

* Видимо, Красная площадь, лишь позднее получившая свое современное название.

Тогда одновременно было казнено более ста человек. Казни продолжались и еще несколько следующих дней. На выведенных на площадь приговоренных было страшно смотреть: они перенесли ужасные пытки, были окровавлены, едва шли, у многих были сломаны руки и ноги. Распоряжался казнями лично царь. “Работали” не только профессионалы-палачи, но и приближенные царя, да и сам государь и его сын царевич Иван. Убивали зверски: так, казначея Никиту Афанасьевича Фуникова-Курцева попеременно обливали крутым кипятком и холодной водой. Таубе и Крузе сообщают, что царь

“у многих приказал... вырезать из живой кожи ремни, а с других совсем снять кожу и каждому своему придворному определил он, когда тот должен умереть, и для каждого назначил различный род смерти: у одних он приказал отрубить правую и левую руку и ногу, а только потом голову, другим же разрубить живот, а потом отрубить руки, ногу, голову”.

Иван Михайлович Висковатый, многолетний глава русской внешней политики, был обвинен в том, что он, говоря языком XX века, служил сразу трем разведкам: крымской, турецкой и польско-литовской. Его привязали к столбу, и каждый из приближенных царя подходил к несчастному и отрезал кусок тела. Тот опричник (Иван Реутов), чей удар оказался смертельным, был обвинен, что он из жалости хотел сократить мучения Висковатого. Лишь смерть от чумы спасла Реутова от казни.

Массовые казни лета 1570 года были апогеем опричного террора. Рассказы о них разошлись по всей Европе. В Германии распространялась гравюра, изображающая царя Ивана в виде озверевшего сказочного чудовища с когтистыми лапами, восседающего на троне посреди площади, где уже лежит множество трупов, а палач в яростном экстазе продолжает свое дело.

Запечатлелись эти казни и в народной памяти. Так, видимо, на рубеже XVI - XVII веков возникла Повесть о Харитоне Белоулине, рассказывающая, как *“на Пожаре *, среди Москвы”* было приготовлено 300 плах и 300 топоров, а у плах стояло 300 палачей. Царь выехал *“на площадь в черном платье и на черном коне”* и приказал палачам *“по росписи именитых людей казнити”*. Однако одного из них - купца Харитона Белоулина никак не могли побороть и положить на плаху, а Белоулин обличал царя и восклицал: *“Почто, царю великий, неповинную нашу кровь проливаеши?”* Когда же Белоулина все же казнили, обезглавленный труп поднялся на ноги и начал трепетать, а палачи никак не могли сбить его с ног. Не могли и отмыть землю

от крови Белоулина, кровь мученика светилась. Царь в страхе ушел в свои палаты, а остальных приговоренных отпустил.

* Одно из названий Красной площади в XVI - XVII веках.

В этой повести отразились и ужас перед необъяснимой зверской жестокостью царя (жители Москвы *“наипаче в недоумении быша”*), и ненависть к палачам, и восхищение силой духа тех, кто шел на смерть не с обреченной покорностью, а громко провозглашая свою невиновность. Таким был, например, Иван Михайлович Висковатый, которому предлагали жизнь, если он покается в несовершенных преступлениях. В ответ он не только публично перед лицом смерти заявил, что ни в чем не виноват, но, по рассказу Шлихтинга, бросил в лицо грозному царю мужественные слова: *“Раз ты жаждешь моей крови, пролей ее, хотя и невинную, ешь и пей до насыщения”*.

Новгородский погром и казни лета 1570 года окончательно показали, что опричнина - это банда грабителей и убийц в боярских облачениях и с княжескими титулами и воеводскими чинами.